

Гамильтон с шорохом высунул голову из-за двери:

— Господин Юнь, он здесь?

Цю Чэн указал на примерочную в центре комнаты:

— Внутри, переодевается в костюм.

Услышав это, Гамильтон решительно толкнул дверь и вошел.

— Он невероятно красив, просто создан для модели, — Гамильтону очень хотелось, чтобы Цю Чэн уговорил Юнь Сю. Для дизайнера видеть свою музу и не иметь возможности облачить её в свои наряды — это же сущая пытка!

Гамильтон отчаянно желал предпринять еще одну попытку. Если и сейчас ничего не выйдет, он больше не будет настаивать. Еще в кабинете он живо представил, как Юнь Сю будет выглядеть в этих костюмах. О, это зрелище было бы настолько прекрасным, что даже шекспировских сонетов не хватило бы для описания!

Цю Чэн коротко усмехнулся и подыграл ему:

— Мой супруг и правда хорош собой. Можете полюбоваться, как на нем сидит костюм.

— О! Чэн, ты... — Гамильтон понял намек. Цю Чэн не собирался помогать ему с уговорами. С разбитым сердцем он молча уставился на дверь примерочной.

Ручка розовой двери слегка повернулась. Створка распахнулась, и перед ними предстал мужчина в безупречном белом костюме.

Белый цвет — настоящее испытание для внешности. Хотя он считается универсальным, носить белый костюм-тройку — задача не из легких, требующая идеальной фигуры и черт лица.

Юнь Сю вышел из примерочной. Белоснежная ткань, плотно облегающая тело, подчеркивала его почти совершенную фигуру. Узкие плечи, тонкая талия и изящное лицо в обрамлении костюма смотрелись просто великолепно. Наряд был предельно лаконичен: лишь сложная эмблема на груди нарушала однотонность белого. Именно эта простота кроя еще ярче выделяла красоту его лица.

Юнь Сю, не ожидавший увидеть Гамильтона, замер в легком замешательстве. В его глазах читалось чистое, ясное недоумение. От этого живого выражения лица белый костюм казался еще более игривым. В таком виде он походил на юного господина из знатного дома, сбежавшего на прогулку — такой же невинный и жизнерадостный.

В глазах Цю Чэна вспыхнуло восхищение. Его супруг оказался невероятно пластичным, словно этот костюм был сшит специально для него.

— Невероятно, просто невероятно! — Гамильтон восторженно захлопал в ладоши, не скупясь на эмоции.

Даже если Юнь Сю и отказался примерять женские платья, что немного расстроило дизайнера, это не мешало ему выразить свое искреннее восхищение. Одно другому не мешало.

Уголки губ Юнь Сю приподнялись. Сколько бы раз он ни слышал подобные прямые комплименты, ему каждый раз становилось невероятно приятно.

— Благодарю вас, господин Гамильтон.

Цю Чэн, видя, как Гамильтон своими словами заставил Юнь Сю расцвести, внезапно осознал, что здесь что-то не так. Бородатый друг, конечно, может восхищаться его супругом, но слишком уж сильно радовать его — это уже перебор! Подумаешь, хвалит он сейчас. Вот вернемся вечером домой, ляжем в постель, и он сам его расхвалит так, что у супруга уши завянут!

Юнь Сю подошел ближе, чтобы Цю Чэн и Гамильтон могли рассмотреть его получше. После похвалы дизайнера он заметно приободрился и стал выглядеть гораздо увереннее.

Гамильтон внимательно оглядел его, внезапно вскочил, подбежал к ореховому шкафу, достал полосатый галстук-бабочку и протянул Юнь Сю. Тот принял подарок и с мольбой посмотрел на Цю Чэна:

— Господин.

Цю Чэн поднялся со стула и с торжествующим видом взглянул на Гамильтона: мол, видал? Это мой супруг!

Гамильтон, очевидно, не уловил всех тонкостей в голове Цю Чэна. Он руководствовался лишь чистой любовью к прекрасному. Красивая одежда для красивого человека, не более.

Цю Чэн раньше всегда завязывал галстуки только себе. Помогать кому-то другому приходилось впервые. Его движения были неспешными, словно он припоминал технику, и от этого его обычно суровое лицо смягчилось, а взгляд стал сосредоточенным и нежным.

Цю Чэн был в традиционном темно-синем халате, а Юнь Сю — в западном костюме. Темно-синее и ослепительно белое создавали яркий контраст. Близился полдень, солнце светило все ярче, заливая комнату светом. Несмотря на разницу в стилях и темпераментах, они смотрелись удивительно гармонично.

Гамильтон, сидевший на диване, внезапно почувствовал себя отрезанным от них солнечным светом. Не зная языка, он вдруг вспомнил подходящее выражение: союз, заключенный на небесах.

Завязав галстук, Цю Чэн поправил воротник Юнь Сю и отступил в тень, позволяя супругу купаться в солнечных лучах.

— Господин, красиво? — с замиранием сердца спросил Юнь Сю, не скрывая своего ожидания.

— Красиво, — кивнул Цю Чэн, глядя на него с уверенностью. — Тебе всё к лицу, супруг мой.

Гамильтон решил, что ему пора освободить комнату. Диван стал казаться слишком тесным. К счастью, Юнь Сю и Цю Чэн не были склонны к излишним нежностям на людях, иначе Гамильтону пришлось бы немедленно ретироваться.

Получив одобрение, Юнь Сю отправился переодеваться в следующий костюм. Когда он вышел, оба мужчины невольно залюбовались. На этот раз был светло-коричневый костюм в тонкую серую полоску. На вешалке он выглядел так, будто предназначен для какого-нибудь утонченного негодяя, но на Юнь Сю он смотрелся возвышенно и благородно. Юнь Сю был рожден, чтобы носить одежду: в светлом он казался небожителем, в темном — обретал особую глубину.

Гамильтон смотрел на него и всё больше грустил. Юнь Сю, заметив их взгляды, понял, что и этот наряд пришелся впору. Перемерив два костюма, он стал чувствовать себя свободнее и сам подошел к зеркалу, разглядывая свое отражение. Его лицо покраснелось, и он выглядел до того очаровательно, что глаз было не отвести.

Эти два комплекта, выбранные управляющим, пришлись Юнь Сю по душе. Но Цю Чэн, видимо, решил, что двух мало.

— Супруг мой, я сейчас обсужу с Гамильтоном дела магазина, а ты пока сходи вниз, посмотри, что еще тебе приглянется. Все, что выберешь, мы заберем с собой.

— Хорошо, господин, занимайтесь делами, — Юнь Сю, понимая, что Цю Чэн и так потратил много времени ради него, с готовностью и заботой согласился.

<http://bllate.org/book/22450/2359768>